

АЛ. ДЕЙЧ

В БОРЬБЕ ЗА МАССОВУЮ ПЕРЕВОДНУЮ ЛИТЕРАТУРУ

Во всех областях жизни великая Октябрьская революция произвела колоссальный сдвиг.

В литературе и в искусстве этот сдвиг знаменуется не только естественным и вполне законным изменением тем и ценными опытами в области формы, но и приходом к искусству огромных масс нового читателя, нового зрителя, нового слушателя.

Те массы рабочего класса и крестьянства, которые царская власть умышленно держала в темноте и невежестве, теперь, под благотворным влиянием политики советской власти, потянулись к знанию, к просвещению, — к книге, выставке живописи, к театру.

В дореволюционное время читательская масса, несмотря на ее разнородный классовый состав, все же была несравненно более цельной, чем в наши дни. «Господа читали, мужики пахали» — так было. Теперь хотят читать и наверстывать потерянные во мраке невежества годы и рабочие, и крестьяне; жажда к знанию проникает и в городские, мещанские мелкобуржуазные элементы, в те классовые прослойки, которые нередко относятся враждебно к новой идеологии и являются проводниками настроений кулацких и нэпманских элементов в городе и деревне.

Естественно, что обострение классовой борьбы отражается и в литературе и в искусстве. Определенные идеологические группы правых писателей и художников работают на мещанина, обывателя, являются проводниками вредных для пролетариата идеологий.

Все это относится не только к оригинальной, советской литературе, но в значительной мере применимо и к переводной.

Советский рынок загружен переводной литературой. Государственные и частные издательства, конкурируя друг с другом, выбрасывают на книжный рынок сотни переводных книг и книжек в пестрых, нарядных обложках, с заманчивыми заглавиями, с рекламными поясками, оповещающими об огромном успехе того или другого произведения у читателей Запада.

Не будет преувеличением, если сказать, что 70% всей этой литературы представляет собой в большей или меньшей степени враждебную пролетариату идеологию, изображая авантюрные приключения героев великосветского общества: очаровательных графинь, ловких сыщиков, красавцев-шулеров, кинематографических звезд, великодушных банкиров, и пр., и пр.

Правда, все эти пестрые книжки, как мотыльки-поденки, — они живут одним днем. Но они рассчитаны на мелкобуржуазного потребителя, они потрафляют его вкусам.

Однако в нашу задачу вовсе не входит рассмотрение переводной литературы этого сорта. Мы остановим внимание читателя на переводной художественной литературе, выходящей в массовых изданиях в РСФСР.

Но прежде всего — несколько слов о массовой литературе в целом.

Революция 1905 года дала мощный толчок для развития массовой литературы. Толстую книжку, предназначенную «для господ», хотя бы самых

либеральных, трудно было приблизить к рабочим массам. Тогда появилась массовая тяга к тоненькой книжке — брошюре, излагающей в популярной форме политические идеи, близкие пролетариату, или ведущей пропаганду художественным словом. Издательство «Донская речь» в Ростове, «Знание» в Петербурге и множество других издательств, рождавшихся и лопающихся, как мыльные пузыри, выпускали брошюры, в которых пропагандировали революционные идеи. Эти издательства правильно пользовались теми литературными произведениями, в которых сказывалось негодование против монархического и капиталистического строя. Таковы, например, проникнутые насквозь революционным содержанием романы «Овод» Е. Войнич или «Спартак» Дживаниоли, или знаменитый антимилитаристический роман Берты Зутнер «Долой оружие».

И после разгрома первой русской революции, когда страна застонала под казацкой нагайкой, толчок, данный рабоче-крестьянским массам, продолжал оказывать свое влияние. Тяга к дешевой книжке, к брошюре не угасла. В соответствии с большим спросом народился ряд издательств, предлагавших дешевую оригинальную и переводную книжку массовому читателю. На первом месте из этих дореволюционных издательств надо поставить «Универсальную библиотеку» Антика. Существовая ряд лет, эта библиотека выпустила лучшие произведения западноевропейских писателей начала нашего столетия и некоторых классиков. Можно смело сказать, что массовый русский читатель знакомился по «Универсальной библиотеке» с произведениями Ибсена, Гамсуна, Г. Манна, Мопассана, Франса, Уэллса, Шницлера, Лондона и других.

Параллельно с «Универсальной библиотекой» возникли другие, вроде «Всеобщей библиотеки», «Библиотеки для всех», «Общедоступной библиотеки» и многих других.

Как известно, идея создания такой библиотеки гораздо раньше, чем у нас, возникла на Западе.

Уже много десятилетий существует в Германии «Универсальная библиотека» большой издательской фирмы Рёклама. Весь мир знает маленькие розовые книжечки этой библиотеки, содержащие и оригинальную, и переводную художественную литературу, и книжки по различным отраслям знания, и справочники, и словари, и путеводители. Кроме библиотеки Рёклама в Германии существуют еще много различных массовых библиотек, которые издают сотни и тысячи названий в опрятных книжках и по дешевой цене.

Подобные издания имеются также во Франции, в Англии, Америке и других странах.

Как же должен пролетариат отнестись к наследию прошлого, ко всему тому обилию буржуазной культуры, которая создана прошлыми веками? Об этом много говорилось и писалось. Троцкий уверял, что надеяться на создание пролетарского искусства нет никаких оснований. Он утверждал, — это было в разгаре гражданской войны, — что пролетарского искусства быть не может, потому что сперва пролетариат находился под гнетом, он был некультурен и не мог создавать художественных ценностей. Пролетарской культуры, по Троцкому, не может быть.

Скептицизм Троцкого не оправдался. Пролетарская литература крепнет и ширится в СССР. Мы уже имеем целый ряд произведений, свидетельствующих о несомненном росте творчества пролетарских писателей. Пройдет, вероятно, еще некоторое время, прежде чем пролетарский писатель завоеует гегемонию в советской литературе. Но он идет к этому.

Пролетарская литература находится в процессе роста не только у нас, но и на Западе. Естественно, что в процессе борьбы с капитализмом Запада пролетарская литература в Европе выливается в иные формы, чем у нас, она наполняется иным содержанием. Но как бы там ни было, мы с полным правом можем констатировать подъем пролетарской литературы в Германии, в Чехословакии. Зреют и растут силы венгерских пролетарских писателей. Если во Франции и в Англии условия менее благоприятны для развития пролетарской литературы,— то зато там намечается ряд левых писателей, определенно симпатизирующих делу рабочего класса.

Разумеется, к этим «попутчикам» пролетарской литературы надо относиться с большой осторожностью: они оказываются с нами до поры до времени. Буржуазия оказывает сильное давление на писателей из антибуржуазной интеллигенции, она старается во что бы то ни стало переманить их на свою сторону. Нередко ей удается это сделать, особенно, когда за левыми фразами и уверениями таких западных «попутчиков» кроются сомнения в конечной победе пролетариата и анархо-индивидуалистические стремления. Печальный пример Панаита Истрати, заверявшего пролетариат в своей безусловной преданности ему и оказавшегося предателем по возвращении на Запад — достаточный показатель такой неустойчивости в среде западных писателей псевдореволюционного толка.

При бедности, конечно сравнительной, пролетарской литературы Запада мы не должны пренебрегать и ее попутчиками, как бы бдительно нам ни приходилось относиться к их настроениям, так легко меняющимся в сложной обстановке противоречий капиталистического мира.

Итак, пролетарская литература Запада и левые группы писателей попутчиков должны составить основные кадры нашей массовой переводной литературы.

Это естественно и закономерно.

Гораздо серьезнее и сложнее вопрос об использовании наследия прошлого, о насыщении нашего массового книжного рынка литературой классической.

Не приходится говорить о том, как ошибочна точка зрения, раз и навсегда отвергающая продукты прошлых эпох.

Пролетариату вовсе не нужно отказываться от богатой сокровищницы ценностей прошлого. Пролетариату нужно лишь сознательно относиться к ценностям минувших эпох, отбирая от них то, что может быть использовано и для него.

В свое время буржуазия была тоже революционным классом и вела борьбу с отживающим феодализмом. «В моменты, когда классы шли по революционному пути,— говорит А. В. Луначарский,— борясь против отжившего, но еще господствующего класса, они, по строю чувств, выражавшемуся и в их искусстве, бывали близки к тем чувствам, которые свойственны людям, порожденным нашей революционной эпохой. Конечно, революции, предшествующие пролетарской,— буржуазные; конечно, мы несравненно выше по политическим тенденциям идеологов этих революций. Но их задачей было воздействовать на массы, при помощи которых они только и могли победить, и в их призывах к борьбе много силы и негодования против старого, дряхлого строя, препятствующего развитию уже созревших внутри него иных, свежих и передовых сил. Это революционное содержание и стремление говорить к массам, воспламенить их и привлечь на свою сторону»

заставляло художников классов, переживающих период подъема, искать соответствующих форм для выражения протеста против старого и призыва к борьбе за новое. Притом некоторые из этих художников стояли на очень высоком уровне мастерства. Пролетарское искусство в своем развитии, конечно, перерастает их, — но сейчас мы очень многому можем у них поучиться.

Вопрос — как использовать классиков, как преподнести их современному массовому читателю. Тут встречаются значительные трудности. Прежде всего мы встречаемся с читателями самой различной подготовки. Более подготовленный читатель, знакомый с диалектическим методом мышления, умеет критически относиться к идеям, выраженным в том или другом художественном произведении. Конечно, трудно ожидать даже у наиболее левых писателей прошлых эпох выражения тех взглядов, которые тождественны взглядам современного пролетариата.

Существует большая опасность, если мало подготовленный читатель, увлеченный художественным стилем классика, настолько поддастся влиянию его мастерства, что без всякой внутренней проверки, на слово, примет его социальные и политические тенденции. К примеру сказать, роман Золя «Разгром» дает широкую и весьма художественную картину франко-прусской войны и начала Парижской коммуны. Но вместе с тем Золя не очень дружелюбно относится к коммунарам, он выставляет их в не особенно выгодном свете. Поэтому ясно, что, предлагая «Разгром» вниманию массового читателя, мы обязаны в предисловии или послесловии — как угодно называйте пояснительную статью — вскрыть социальные корни изображаемых в романе событий и попутно осветить отношение автора к этим событиям, выведя их из социального облика писателя.

Вопрос о пояснительных статьях к классикам — вопрос очень важный, весьма назревший, и ему уделяют у нас, к сожалению, мало внимания. Чаще всего такие пояснительные статьи сводятся к изложению биографии автора, по существу, ничего не говорящей советскому читателю. Кроме этого, у нас есть много вступительных статей к классикам, написанных тяжелым, псевдонаучным языком. Эти статьи никак не могут быть рассчитаны на читателя со средней подготовкой, хотя издания и выходят в больших тиражах. Наряду с тяжелым «профессорским» стилем объяснительных статей и предисловий мы встречаем тенденцию — сопровождать массовые издания классической литературы примечаниями, объясняющими сложные термины и непонятные слова. Это хорошо в принципе, но нередко такие пояснения носят курьезный, анекдотический характер. Встречаются такие шедевры: визави — напротив», или «сфинкс — легендарное чудовище в Египте», и т. п. Тут, помимо нелепости самих объяснений, палка перегнута уже в другую сторону: объяснены слова, которые можно найти в любом толковом словаре, тогда как цель такого популярного комментария — объяснять такие понятия, которые найти в словаре или справочнике представляет некоторое затруднение.

Но не одними предисловиями и комментариями исчерпывается задача при массовом издании классиков.

Очень важен, например, вопрос о сокращении классических произведений, об их переработке применительно к современному читателю.

Европейские классики жили и творили в эпоху почтовой кареты и железной дороги, мы живем в эру аэропланов и дирижаблей. Небывалый расцвет техники оказывает колоссальное влияние на нашу психику. Темп,

ритм произведений Диккенса, Бальзака, Флобера, Теккерея, Гете кажется замедленным для наших современников, содержание их монументальных романов — непомерно растянутым.

С такой коренной ломкой читательской психики нельзя не считаться. Поэтому в принципе нельзя возражать против того, что опытный редактор издания классиков в интересах художественных делает сокращения классических произведений за счет непомерных и слишком архаических длиннот. Так не приходится спорить о том, что эпопея Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» во многих своих частях почти не переводима на русский язык.

Помимо мотивов чисто художественного свойства нередко доводы политические диктуют нам необходимость прибегать к сокращениям и обработкам. Возьмем хотя бы такой пример: «Хижина дяди Тома» Бичер-Стоу — несомненно благороднейший по своим гуманистическим тенденциям роман, сыгравший, как известно, немаловажную роль в деле освобождения американских негров от рабства. И ныне, в эпоху колониального угнетения народов, этот роман не утратил в некоторой степени своего значения. И вместе с тем в нем есть много такого, что способно покоробить советского читателя, что может даже оттолкнуть его от романа. Мы имеем ввиду слащавый религиозно-нравственный колорит романа, смахивающий местами на проповедь примиренчества, покорности судьбе и утешения в религиозной мистике. Если все эти, идеологически неприемлемые для нас, моменты в романе ослабить или совсем исключить, от этого «Хижина дяди Тома» только выиграет.

Худшим видом «обработки» классических произведений является уже недопустимое обращение с художественным замыслом классика — сокращение об'емистого произведения классической литературы «в десять тысяч раз». Это делается, к сожалению, не только рваческими частными издательствами, но и нашими государственными. Тут уже налицо явная недобросовестность, не оправдываемая ни художественными, ни идеологическими интересами. Тут цель одна — спекулировать на прославленном имени автора и названии его произведения и преподнести доверчивому читателю под видом доброкачественного литературного товара — никуда не годный фабрикат, не дающий почти никакого представления ни о содержании произведения, ни о его стиле.

За примерами ходить далеко не приходится. Вот книжечка в 126 страничек. Это — приложение к газете «Гудок» за 1927 год. На книжечке красуется: «Анатоль Франс. Боги жаждут». Некий «обработчик» умудрился втиснуть в книжечку роман Анатоля Франса, об'емом приблизительно в 10 печатных листов. В экстазе вдохновения он до того переусердствовал, что все его «произведение» улеглось в 94 странички и пришлось прибавить на то же прокрустово ложе еще один шедевр Франса «Уличный торговец» (Крэнкебиль) для того, чтобы дать «полновесную» книжку.

Издательство «Гудка» — не единственное в своем роде. Ленинградская «Красная газета» проделывает такие же эксперименты.

Разумеется, особняком стоят те маленькие массовые издания, которые за невозможностью дать полностью то или иное классическое произведение, помещают в своей книжке избранные эпизоды из него, ясно оговаривая это на титульном листе. Тут уже не может быть речи о недобросовестном поступке, о желании ввести в заблуждение низовую читательскую массу.

Недоброкачественные сокращения — не единственное зло, с которым надо бороться при издании классиков. В целях экономии издательства нередко

прибегают к переизданию старых переводов. Переводчик, мол, давно умер, и платить за перевод ему не приходится. Для очистки совести поручается какому-нибудь редактору выправить этот перевод. Чаще всего редактор понимает свою задачу упрощенно: он выправляет язык старого перевода (и то не всегда к лучшему), не трудясь сверять перевод с оригиналом, и в случае необходимости втиснуть произведение в определенный листаж, черкает его карандашиком. Бесцеремонность в этом отношении зашла до того далеко, что нередко издательства дают заказы составить один перевод из двух, уже существующих. Случай с таким «комбинированным» переводом «Тилия Уленшпигеля», проделанный О. Мандельштамом, всплывший недавно, является, конечно, далеко не единичным случаем этого рода.

Нет спора: хорошие старые переводы лучше плохих новых. Но у нас почему-то существует огульное и ошибочное мнение о том, что старые переводы «в общем и целом» гораздо лучше переводов современных. Это установившееся мнение в наших литературных кругах приносит много вреда. Так, в погоне за переводами «довоенного качества» Гиз издал лирику Гейне в старых, неуклюжих, искажающих стиль и содержание его поэзии переводах. Об этом уже много писалось, потому что это вопиющий по своему безобразию пример ничем не оправдываемой привязанности наших издательств к старым переводам только потому, что они старые. И с этим явлением огульного использования «беспризорных» переводов надо энергично бороться.

Борьба эта только тогда может дать реальные и плодотворные результаты, когда мы подыдем качество нашей переводной продукции. И теперь уже у нас, наряду со случайными переводческими силами, берущимися за это дело только за неимением другого, — есть опытные и чуткие переводчики, хорошие филологи и лингвисты. Для них раскрываются огромные и трудные перспективы: дать массовому советскому читателю классика в таком переводе, который был бы одновременно верен стилистическим особенностям автора и вместе с тем понятен, и, — как принято теперь говорить — созвучен читателю.

Современное наше литературоведение уже исследовало и развенчало работу многих русских признанных столпов перевода. Выяснилось, что многие из них безжалостно искажали идеи и тенденции автора, потрафляя мещанским вкусам читателя, а иные не понимали переводимого автора, вульгаризовали его стиль и мироощущение, как это случилось, например, с большинством старых переводчиков Гейне.

Здесь не место говорить о тех мероприятиях, которые необходимо провести для поднятия художественного уровня нашей переводной литературы. Надо только отметить, что со стороны советских издательств — преступление знакомить с классиками пролетариат по переводам, искаженным и непониманием переводчиков и свирепостью царской цензуры.

Переводная массовая литература не ограничивается изданием современных пролетарских писателей и классиков. Наши массовые библиотеки выпускают также произведения левобуржуазных писателей Запада, симпатизирующих нам, а порой и произведения писателей, принадлежащих к стану наших врагов. В этом последнем случае требуется особая осторожность, и нужно такие произведения снабжать не краткими предисловиями, а подробными четко и сильно написанными вводными статьями, в которых необходимо подробно раз'яснять пролетарскому читателю, в чем кроются ошибки автора как представителя класса, интересы которого он обслуживает.

К сожалению, весьма немногие из предисловий к книгам подобного рода отвечают указанным требованиям. Для таких предисловий у нас уже выработался определенный трафарет. «Хотя автор и враг пролетариата, тем не менее его произведение характерно и поучительно для того развала буржуазного строя, который существует на Западе». Такого сорта предисловия десятками и сотнями сопутствуют любой книге. Уэдсли, Кэрвуды и Вудхаузы оправдываются во имя демонстрации «разложения буржуазии» милостивыми и всепрощающими авторами предисловий.

При помощи и частных издательств, и государственных, мещанская литература, не выходя в массовых изданиях, все же просачивается в низовые читательские массы. Одними запретительными мерами тут бороться нельзя. В противовес гнилой и вырождающейся литературе наши массовые библиотеки должны дать своему многочисленному читателю здоровую и привлекательную литературную пищу.

Нельзя понимать эту задачу упрощенной и думать, что пролетарскому читателю интересен только узкий круг тем, вращающийся вокруг жизни бедняков — городских и деревенских пролетариев. Такая ошибка приводит к изданию ряда произведений, которые окрещены в Германии определенным термином: «Armeleuteliteratur». В произведениях такого рода действительно трактуется о жизни бедняков, об их горестях, о тех несправедливостях, которые выпадают на их долю при капиталистическом строе. Но при этом самая трактовка темы — не только для сознательного пролетария не приемлема, но и прямо вредна. О бедняках рассказывается в таких произведениях с либерально-барским смакованием несчастий, выпадающих на долю этих бедняков. Тут же, весьма скромно, в туманной и затушеванной форме, проводится проповедь смирения и покорности всемогущему року.

Наряду с подлинно пролетарскими произведениями в продукцию наших издательств просачиваются также и лжепролетарские авторы Запада. Даже наиболее выдержанное массовое издание «Роман-газета» стало жертвой такой ошибки и издало роман Альфонса Петцольда «Суровая жизнь». Этот тягучий и мало художественный роман как нельзя лучше соответствует жанру «литературы о бедных людях».

Отмечая недостатки «Роман-газеты», нельзя тут же не говорить об огромных и несомненных достоинствах этой массовой библиотеки. Прежде всего, в условиях нашей издательской работы необычайно удачной надо признать мысль об издании массовой литературы именно в виде полукнижки — полугазеты. Такая внешняя форма удешевляет продукцию, давая возможность отпустить читателю за четвертак большой и законченный роман, переведенный полностью и содержащий около десяти печатных листов, а то и больше.

За два с половиной года своего существования «Роман-газета» издал ряд крупнейших и замечательных произведений зарубежной пролетарской литературы. Франция представлена знаменитым романом Анри Барбюсса «В огне». Это первое, действительно массовое издание нашумевшего и первого по времени военного романа. Молодая венгерская литература отразилась в «Роман-газете» прекрасным романом Бела Иллеша «Тисса горит». Это — широкое полотно художественно и правдиво рисующее пролетарскую революцию в Венгрии, необычайно яркую страницу в революционной борьбе западного пролетариата. В «Роман-газете» вышли кроме того два романа из жизни английских горняков: Джемса Уэлша «Под землей» и Г. Хезлопа «Под властью угля». К сожалению, предисловия, предпосланные обоим этим романам,

особенно же роману Уэлша, слишком схематичны и недостаточно проработаны для того, чтобы объяснить пролетарскому читателю произведения и их авторов.

Вообще, комментирование произведений, выпускаемых «Роман-газетой» оставляют желать лучшего. Поэтому мы с большим удовлетворением отмечаем, что руководительница этого издания т. А. Грудская обещает («Литературная газета» № 28) поднять со всей остротой «вопрос об организации кадра критиков-марксистов вокруг «Роман-газеты». Необходимо действительно, чтобы выходящие в этом массовом издании романы зарубежных пролетарских писателей снабжались обширными вводными статьями, всесторонне освещающими жизнь и творчество пролетарских писателей.

Мы не можем давать здесь оценку — художественную и политическую — произведениям, появившимся в «Роман-газете» за время его существования. Наряду с перечисленными романами отметим еще произведения Ольбрахта (Чехословакия), Ясенского (Польша), Бехера (Германия) и др. Попутно «Роман-газета» выпускает и наиболее близкие нам романы левобуржуазных писателей. Так вышел классический революционный роман «Овод» Е. Войнич, знаменитый «Туннель» Б. Келлермана (с предисловием, весьма кратким и трафаретным). Такое расширение плана «Роман-газеты» надо всячески приветствовать. Действительно, в литературе западных попутчиков есть немало такого, что достойно быть изданным для массового читателя. Однако в этом деле необходим тщательнейший отбор. Но об этом было уже говорено выше.

Как бы там ни было, «Роман-газета» делает большое дело продвижения художественной литературы в огромных тиражах в широкие читательские массы.

Менее удачной оказалась попытка Госиздата создать «Универсальную библиотеку». В «Универсальной библиотеке» вышло до 500 номеров, после чего библиотека закрылась. Совершенно не понятно, на какого читателя рассчитывала эта библиотека. Скорее всего — на случайного, «вагонного». Надо признать, что здесь вышло порядочное количество книжек, принадлежащих перу пролетарских писателей. Ф. Вайскопф, Курт Клебер, Бела Иллеш представлены в «Универсальной библиотеке» наряду с более или менее левыми, рабочими и левобуржуазными писателями: А. Дауристом, Генрихом Манном, Камиллом Лемонье. Тут же и Конрад Берковичи, и Кроммелинк, и негритянский писатель Рене Маран. Такое разнообразие, пожалуй, и не было бы бедой, если бы вся эта мешанина из авторов и их произведений, далеко не равноценных, была подана советскому читателю в подобающем виде — с соответствующими объяснениями. Но подавляющее количество книжек «Универсальной библиотеки» выпущено без всяких, даже самых кратких предисловий. Если кое-где и попадает беглая заметка на одну-полторы странички, то заметка эта написана по трафарету и ничего читателю не объясняет ни об авторе, ни о социальной установке его произведения.

«Универсальной библиотеке» свойственен и тот грешок, о котором мы упоминали выше: некоторое увлечение произведениями буржуазного типа, в слезливо-либеральных тонах трактующих о горестях бедняков.

По отношению к общему количеству выпущенных книжек, число произведений подлинно пролетарских писателей Запада очень невелико. Госиздат, очевидно, успокаивался на том, что выпускал лучшие произведения пролетарских писателей Запада в дорогих изданиях. Конечно, при широко развитой сети библиотек рабочему или служащему сравнительно не трудно достать

для прочтения и дорогую книгу. Но все же это не довод для того, чтобы не распространять в больших тиражах талантливые и художественные произведения, особенно ценные для пролетариата. К слову сказать, в «Универсальной библиотеке» отсутствовал такой роман, как «Джимми Хиггинс» Эптона Синклера.

Госиздат, учтя книжный голод, предпринял теперь новое массовое издание — «Дешевую библиотеку». Стандартное оформление книг, удобство формата и шрифтов и низкая цена подает надежду на то, что «Дешевая библиотека» Гиза станет действительно достоянием широких читательских масс. Пока из иностранных романов в «Дешевой библиотеке» появились «Девяносто третий год» Гюго и «Мартин Иден» Джека Лондона. Обе книжки снабжены обстоятельными характеристиками авторов. Вскоре в этой серии появятся лучшие произведения пролетписателей Запада, напр., «Люизит» — Бехера, «Я жгу Париж» — Ясенского, «Тисса горит» — Иллеша, «Огонь» — Барбюса, а также «Джимми Хиггинс» — Синклера и «Железная пята» Лондона.

Издательство «Земля и фабрика» также издает массовую библиотеку, в которой намерено отвести место и иностранным писателям. Пока в «Дешевой библиотеке» Зифа вышла нашумевшая книга Ремарка «На западном фронте без перемен». Книжка издана на скверной бумаге, печать неряшливая, перевод вызвал возражения в печати. Физиономия «Дешевой библиотек 1» Зифа касательно иностранных произведений остается пока неясной, так что говорить об этой библиотеке преждевременно. Во всяком случае, не с сенсации Ремарка следовало бы начинать, несмотря на остроумное предисловие К. Радека.

Очень популярна существующая уже пять лет массовая библиотека «Огонек». Каждый год появляется 104 книжки, из которых почти половина приходится на иностранную художественную литературу. К числу недостатков надо отнести весьма ограниченные размеры книжек: каждый выпуск составляет всего полтора-два листа.

Библиотека «Огонек» выпустила много произведений современных пролетарских писателей Запада. Богато представлен отдел западных «попутчиков»: здесь и Туссель, и Амп, и Манн, и Гэлсуорси, и Жюль Ромен, и Франц Верфель, и Гашек. В серии классиков мы находим избранные отрывки из Рабле, Сервантеса, Вольтера, избранные песни Беранже, прозу и стихи Генриха Гейне, тюремную балладу Оскара Уайльда и много др.

Вот, собственно говоря, все главнейшие массовые издания иностранной художественной литературы, существующие в настоящее время. Ленинградская «Библиотека для всех», издававшаяся издательством «Прибой», теперь не выходит. Эта библиотека была самой дешевой из существующих: каждый выпуск стоил всего пять копеек. Идеологически «Библиотека для всех» была гораздо более выдержанной, чем гизовская «Универсальная библиотека». Но мы не будем говорить о ней, равно как и о других изданиях этого рода, окончивших свое существование.

На этом мы и заканчиваем наш обзор. Размеры журнальной статьи не позволяют более детально остановиться на многих важных вопросах, только вскользь затронутых здесь.

Культурная революция требует огромного напряжения всех сил страны в деле просвещения широких масс. Вот почему лучшие литературоведы должны обратить особое внимание на тот участок культурного фронта, который посвящен разработке планов издания массовой литературы и действительного проведения планов в жизнь.